

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-2-19-31

Ю.С. Белянкин

**ИНСКРИПЦИИ XVII В. КРУГА «БОГОЛЮБЦЕВ»:
НОВЫЕ РАЗЫСКАНИЯ**

Iu.S. Beliankin

**THE 17th-CENTURY INSCRIPTIONS
BY THE “BOGOLYUBTSY” CIRCLE:
NEW INVESTIGATIONS**

Аннотация. Кружок ревнителей благочестия, или «боголюбцев», оказал ключевое влияние на раскол Церкви и всего русского общества, на проведение книжной sprawy и развитие церковных институтов. Помимо прочего, его представители составляли ядро книжной учености того времени. Записи на книгах, принадлежащие этим выдающимся деятелям русской книжной культуры и церковной истории XVII в., — важный исторический источник. В представленной статье вводятся в научный оборот ранее неизвестные инскрипции, сохранившиеся преимущественно на экземплярах старопечатных кириллических изданий и принадлежащие как персоналиям, входившим в число ревнителей древнего благочестия, так и некоторым людям, непосредственно связанным с этим кругом. Речь идет о вкладных и владельческих записях на книгах, когда-то находившихся в руках Григория Неронова, царского духовника Стефана Внифантьева (Вонифатьева), преподающего Дионисия Зобниновского, епископа Александра Вятского. Рассматриваемые в статье записи в большинстве своем выявлены в недавно описанных государственных и малоизвестных частных собраниях и не фигурировали ранее в библиографии. Наибольшее число обнаруженных экземпляров относится к книгам из собрания Стефана Внифантьева, все они вышли на Московском Печатном дворе в начале 1650-х гг. и содержат собственноручные записи-автографы владельца. Не менее интересна судьба книжного вклада епископа Александра Вятского в Коряжемский

Белянкин Юрий Сергеевич, кандидат исторических наук, заведующий сектором изучения особо ценных фондов Центра по исследованию проблем развития библиотек в информационном обществе, Российская государственная библиотека

Beliankin Iurii Sergeevich, PhD Candidate in History, Head, Department for the Study of Especially Valuable Collections, Center for Research on Library Development Issues in the Information Society, Russian State Library

bys86@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1236-7953

монастырь: сохранившаяся и описываемая в статье книга прослеживается по монастырской документации XVII в. Существенное дополнение к известному в историографии корпусу сохранившихся книжных вкладов преподобного Дионисия Зобниновского составили обнаруженные два старопечатных издания, которые стали вкладом на помин души скончавшегося вскоре вкладчика. В статье, кроме того, приводится запись, сделанная от имени Григория Неронова, еще одного ключевого участника событий церковной истории середины XVII в., который был хорошо знаком как с преподобным Дионисием, так и с епископом Александром и Стефаном Внифантьевым.

Ключевые слова: старопечатные книги, записи на книгах, археография, ревнители благочестия, Стефан Внифантьев (Вонифатьев), Григорий Неронов.

Abstract. The circle of zealots of piety, or “*Bogolyubtsy*”, had a key influence on the schism of the Church and the entire Russian society, as well as on the conduct of book correction and the development of church institutions. Among other things, its representatives formed the core of book scholarship of that time. Notes in books belonging to these outstanding figures of Russian book culture and church history of the 17th century are an important historical source. This article introduces previously unknown inscriptions into scholarly circulation, preserved mainly on copies of old printed Cyrillic editions. They belong both to individuals who were part of the zealots of old piety and to some people directly associated with this circle. The author deals with donation and ownership notes in books that once belonged to Grigoriy Neronov, the czar’s confessor Stefan Vnifant’iev (Vonifat’iev), Reverend Dionysius (Zobninovskiy), and Bishop Alexander of Vyatka. The notes examined in the article were mostly identified in recently described state and little-known private collections and were not previously listed in bibliographies. The largest number of discovered copies belongs to the collection of Stefan Vnifant’iev; all were printed at the Moscow Print Yard in the early 1650s and contain the owner’s handwritten autograph notes. No less interesting is the fate of the book donation by Bishop Alexander of Vyatka to the Koryazhma Monastery: the preserved and described book is traced through the monastery’s documentation of the 17th century. A significant addition to the known historiographical corpus of preserved book donations by Reverend Dionysius (Zobninovskiy) are the two old printed editions discovered, which became donations in memory of the recently deceased donor. Furthermore, the article provides a note made on behalf of Grigoriy Neronov, another key participant in the church history events of the mid-17th century, who was well acquainted with Reverend Dionysius, Bishop Alexander and Stefan Vnifant’iev.

Keywords: old printed books, notes in books, archaeography, zealots of piety, Stefan Vnifant’iev (Vonifat’iev), Grigoriy Neronov.

* * *

Ревнители благочестия или «боголюбцы» — одно из важнейших явлений русской церковной, культурной и литературно-книжной

жизни XVII в. Кружок «боголюбцев»¹ оказал ключевое влияние на ход отечественной истории, прежде всего — на раскол Церкви и всего русского общества, течение книжной sprawy и развитие церковных институтов. Круг людей, входивших в это сообщество, оформился в 1640-е гг., его организующим «центром» был протопоп Стефан Внифантьев², туда же входили, среди прочих, протопоп Аввакум, патриарх Никон, Иоанн (Григорий) Неронов. Поэтому чрезвычайно важны находки новых книг и инскрипций, которые принадлежали причастным к кругу ревнителей благочестия.

Ближайшим покровителем одного из главных деятелей кружка боголюбцев и впоследствии участника раннего этапа церковного раскола, Иоанна (Григория) Неронова, считается преподобный Дионисий Зобнинский, выдающийся знаток книжности и церковный иерарх. Некоторое время Неронов жил в кельях у Дионисия Зобнинского и получил священный сан благодаря его же покровительству. Два найденных нами книжных вклада преподобного Дионисия Зобнинского служат весомым дополнением к истории жизни этого выдающегося церковного деятеля и святого. Речь идет об апрельской Минее Московского печатного двора (МПД. 17.02.1625)³ и следованной Псалтыри (МПД. 08.09.1632)⁴. До сего дня в источниках имелись сведения о некоторых вкладах преподобного Дионисия, в том числе книжных, самый ранний из них связан, как можно предполагать, с пострижением в Старицкий монастырь на рубеже XVI–XVII вв., когда среди прочего он пожертвовал «книг трие Трефоля... да два Октаи на осмь гласов, да Устав, да Соборник»⁵. Запись-автограф Дионисия с этими сведениями сохранилась на одном из вложенных в Старицкий монастырь Октоихов. Будучи уже архимандритом Троице-Сергиева монастыря Дионисий вложил рукописный Пролог XVI в. (ОР РГБ. Ф. 247. № 462). Кроме того, в историографии известны рукописные Миней служебная на апрель и Пролог на «сентябрьскую» часть года, которые стали вкладами Дионисия, как и в случае с найденными нами экземплярами, по себе и по своим родителям.

---

¹ Новейшая монография по этой теме: *Лавров А.С., Морохин А.В.* «Ревнители благочестия»: очерки церковной и литературной деятельности. М., 2021.

² Именно так протопоп Стефан (которого традиционно именуют Вонифатьевым) указывает свою фамилию в записи, цитируемой в настоящей статье.

³ Старопечатные и рукописные кириллические книги XVII — начала XX вв. из собрания Ржевской Покровской старообрядческой общины: Каталог / Под ред. Ю.С. Белянкина. Вып. 1: Старопечатные книги XVII века. Рукописи старообрядческой традиции. Ржев, 2022. № 8.2.

⁴ Частное собрание М.С. Бывшева (г. Москва).

⁵ См.: *Флоря Б.Н.* Дионисий (Зобнинский) // Православная энциклопедия. Т. 15. М., 2007. С. 257–267.

В апрельской Минее 1625 г. на л. 1–165 по нижним полям прослеживается запись каллиграфическим полууставом: «Лета 7141-го мая в 9 день [1633] сию книгу месяца апрель дал в дом Пречистыя Богородицы в Старицкой монастырь Живоначальные Троицы Сергиева монастыря архимандрит Дионисей по себе и по своих родителей будущего ради покоя и вечных благ наслаждения». Преподобный Дионисий преставился в том же мае 1633 г., так что данный вклад можно рассматривать как последнее прижизненное его распоряжение, когда он успел позаботиться о памяти по себе и передал в монастырь книгу для поминовения — своего собственного и родителей. Дионисий Зобниновский служил вплоть до последнего дня и скончался во время пострижения в великую схиму. Место вклада также не случайно, поскольку именно в Старице прошло его детство и там же он принял постриг в Старицком монастыре после потери жены и детей. К 1610 г. преподобный Дионисий последовательно побывал на должности настоятеля Успенского Старицкого монастыря, а затем возглавил Троице-Сергиеву обитель. Как известно, Дионисий Зобниновский, наряду с троицкими монахами Арсением Глухим и Антонием (Крыловым), а также Иваном Наседкой занимался в 1610-е гг. книжной справой на материале Требника. В дальнейшем справа с участием этих ученых троицких старцев коснулась таких типов книг, как Триодь Цветная, Октоих и Минеи (месячные и общая). Вторая обнаруженная нами запись датируется почти тем же временем, что и первая, с небольшой разницей в несколько дней — 1 мая 1633 г. В данном случае следованная Псалтырь была вложена в Нектарьеву пустынь. Запись (л. 210 об.) также сделана на помин себя и «по своих родителей», иноческие имена которых указаны Дионисием: инок Феодосий и инокия Улья. Нектарьева пустынь также находилась в Тверской области, во времена Дионисия Зобниновского, пережив Смутное время, она пребывала в упадочном состоянии.

Дионисий Зобниновский, как уже отмечалось, покровительствовал протопопу Иоанну (Григорию) Неронову, который известен как важнейший участник общественной и церковной жизни эпохи никоновских реформ. Нами обнаружена неизвестная в историографии вкладная запись Неронова на печатном московском Апостоле середины XVII в.⁶ Запись скорописью XVII в. по нижним полям листов сообщает: «Сию книгу глаголемую Апостол печатной по обещанию положил Михаилу архангелу что в Саре казанския

---

⁶ Книга из собрания старообрядца-федосеевца Ф. Травина (дер. Фомина гора, Верховажский р-н Вологодской обл.).

пречистья протопоп Григорей Неронов в дом безвыносно по своих родителей». В этой записи присутствуют все детали, которые позволяют без сомнения атрибутировать книгу как принадлежавшую протопопу Казанского собора Иоанну Неронову. Вклад совершен в село Архангельское на Саре в Пошехонском уезде (церковь не сохранилась). Судьбы Неронова и Аввакума были в чем-то похожи, первый из них также сменил не одно место жизни и служения и не один приход. Как и протопоп Аввакум, протопоп Иоанн Неронов нашел свое место в Москве благодаря Стефану Внифантьеву и был известен своими горячими проповедями и обличениями. В 1655 г. Неронов принял постриг под именем Григория, нашел убежище и укрытие у Стефана Внифантьева и после пострига оказался под церковным судом, инициированным патриархом Никоном за активное сопротивление Неронова реформам. Спустя два года Неронов вошел в церковное общение с «официальной» церковью, однако вскоре после ухода Никона с престола обратился к царю Алексею Михайловичу с челобитной о проведении церковного собора и избрании нового патриарха. Несмотря на то что Неронов не был таким же последовательным и бескомпромиссным сторонником «старого обряда», как товарищ Неронова и Внифантьева по кругу ревнителей благочестия протопоп Аввакум, он, тем не менее, сразу предложил государю вернуться к дореформенной практике и упразднить реформы. В 1666–1667 гг. Неронов снова вошел в столкновение с церковными властями из-за суда над Аввакумом и сам был предан суду, после чего уже не выступал против реформ, отбыл наказание в Иосифо-Волоцком монастыре и занял свое место в церковной иерархии патриаршей Церкви.

Запись в рассматриваемом экземпляре «Апостола», что примечательно — одного из трех изданий уже времени патриарха Никона 1650-х — 1660-х гг., была сделана после пострига Ивана-Григория (1655 г.), однако более точно хронологически локализовать период совершения вклада затруднительно. Можно предполагать, что вклад был сделан до 1666 г., т.е. в период пребывания Неронова в Москве, так как в записи он еще именуется себя казанским протопопом, т.е. по месту службы — в Казанском соборе на Красной площади. В данном случае инскрипцию нельзя признать автографом, потому что в продолжении записи говорится о ее авторе — одном из клириков той Архангельской церкви, куда по указанию Неронова, по-видимому, был сделан и подписан его книжный вклад. В качестве сравнения приведем запись-автограф Неронова на московской декабрьской служебной Минее (07.VII.1645), сделанную им на вкладе царицы

Марии Ильиничны по ее указу⁷. В этой записи, как и в рассмотренной выше, Неронов называет себя казанским протопопом, а палеографические особенности его почерка не требуют комментариев. Неронов именуется еще мирским именем. Интересно, что Миняя была вложена в то же село «на Саре», что и новонайденный «Апостол»: «Пожаловала государыня благочестивая царица и великая княгиня Мария Ильична книгу сию в Вологоцкой уезд в пустыню на Сару к церкви нерукотворенного образа <...> и к церкви благовещению пресвятыя Богородицы»⁸. По сути двумя описанными в настоящей статье книгами ограничивается круг книжных памятников, сохранившихся на сегодняшний день и доказанно связанных с Иваном Нероновым.

Еще одним весьма близким к Григорию Неронову человеком выступал епископ Вятский и Великопермский Александр. Большая часть его церковной биографии связана с крупным северным монастырем — Николо-Коряжемским, где Александр принял монашество в 1631 г. и в дальнейшем трудился на разных должностях и поприщах, был казначеем, а в 1643 г. был поставлен игуменом. Протопоп Иван (Григорий) Неронов был сослан за свою антиреформенную деятельность в Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере летом 1653 г., где будущий епископ Александр пребывал в качестве архимандрита. Неронов был с большим уважением принят в монастыре лично Александром, однако через некоторое время их личные отношения испортились в силу радикальных взглядов Ивана Неронова на церковную жизнь. Тем не менее, Александр негласно поддерживал противников церковных реформ, соратников Неронова. В 1657 г. епископ Коломенский Александр, сменивший пострадавшего за «старую веру» епископа Павла Коломенского, был переведен на Вятскую кафедру, что произошло, нельзя исключать, в связи с его поддержкой «раскольников». После ухода патриарха Никона епископ Александр более открыто обозначил свою позицию в отношении реформ, однако не решался полностью порвать с церковными и светскими властями и продолжал занимать церковные посты, одновременно с этим оказывая помощь старообрядцам, в том числе ближайшим сподвижникам Неронова. На печально известном Соборе 1666–1667 гг. епископу Александру все же пришлось представить свой «Покаянный свиток» для получения прощения за свои взгляды и деяния.

---

⁷ Поздеева И.В. Коллекция старопечатных книг XVI–XVII вв. из собрания М.И. Чуванова: каталог. М., 1981. Рис. 16.

⁸ Там же. № 119.

В контексте нашей темы важно то, что епископ Александр владел личным книжным собранием и совершил много книжных вкладов, которые в 1650–1670-е гг. поступали в Николо-Коряжемский монастырь, где начал свой путь епископ Александр⁹. Им было пожертвовано более тридцати старопечатных книг и рукописей, из числа которых на сегодня в библиографии было известно место хранения 13 экземпляров. Среди них наиболее известен и ценен рукописный сборник с автографом епископа Александра из собрания Рогожского кладбища (ОР РГБ. Ф. 247. № 667). Нам, кроме того, удалось выявить еще один неизвестный в историографии экземпляр¹⁰, принадлежавший Александру и вложенный в Николо-Коряжемский монастырь. О его существовании сообщают источники XVII в. Это «Беседы на 14 посланий апостола Павла» Иоанна Златоуста в киевском издании 1623 г. Согласно частично сохранившейся на нижних полях листов записи на экземпляре, издание было вложено «Лета 7182-го генваря в 11 день» преосвященным Александром «во свое обещание». Содержание записи полностью совпадает с монастырской документацией: «Да во 182-м году генваря в 11 день положил он же, великий господин преосвященный Александр, епископ, <...> книга в десть Максима Грека, писмо книжное, 141 глава, книга в десть Беседы на 14 послания святаго апостола Павла, печать киевская»¹¹.

Протопоп Иоанн Неронов был ближайшим к Стефану Внифантьеву, руководителю «боголюбцев», человеком. В библиотеках Московской духовной академии и Саратовского государственного университета¹², а также в московском библиофильском собрании нами обнаружено четыре неизвестных в библиографии экземпляра старопечатных изданий Московского Печатного двора с владельческими и вкладными записями Стефана Внифантьева — духовника царя Алексея Михайловича и протопопа кремлевского Благовещенского собора. Стефан Внифантьев скончался в 1656 г. на Валдае, в самый разгар реформаторской деятельности патриарха Никона при поддержке Алексея Михайловича, не увидев, какая участь постиг-

⁹ Бубнов Н.Ю. Александр (еп. Вятский и Великопермский) // Православная энциклопедия. М., 2000. С. 488–490.

¹⁰ Книга из московского собрания Л.В. Шулякова.

¹¹ Срезневский В.И. Сведения о рукописях, поступивших в рукописный отдел БАН в 1900 и 1901 гг. СПб., 1901. Прил. 1. С. 188 [Кормовая книга Николо-Коряжемского монастыря].

¹² Частное собрание М.С. Бывшева (Евангелие учительное 1652 г., Миняя служебная на февраль 1646 г.); Библиотека Московской Духовной академии, инв. № 7319 (Службник 1652 г.); ОРКиР ЗНБ Саратовского государственного университета (Требник 1651 г.), инв. № 616.

ла близких ему людей. Внифантьев не относится напрямую к числу деятелей старообрядческой оппозиции, однако неизменно был связан с ними. Личность эта во всех отношениях знаковая для русской истории XVII в. Книжное знание Стефана Внифантьева очевидно, с самого начала своей деятельности при царском дворе он регулярно обращается к молодому царю с «учительным» словом, предлагает книги для душеполезного чтения. Об этом сохранились известия протопопа Аввакума, Иоанна Неронова и других. Те же Аввакум Петров и Иван Неронов выехали в Москву из Нижегородского края благодаря Стефану Внифантьеву. С началом реформ патриарха Никона протопоп Стефан Внифантьев остался на стороне «официальной» Церкви, и его пути с основателями старообрядческого «раскола» разошлись.

Количество книг, бывших в личном употреблении ключевых персоналий той эпохи и доказательно атрибутированных им, крайне невелико. Это справедливо и в отношении Стефана Внифантьева. В нашем случае речь идет об экземплярах Евангелия учительного (МПД. 12.06.1652), февральской Минеи (МПД. 25.01.1646), Служебника (МПД. 18.10.1652) и Требника (26.IX.1651).

По нижним полям начальных листов первой из названных книг, Евангелия учительного, следует владельческая запись скорописью XVII в.: «Книга Христова Евангелие протопопа Стефана Внифантьева келейное». В этой части записи присутствуют три важных элемента, со всей уверенностью демонстрирующие принадлежность книги, а также, как будет показано ниже, и самой записи, Стефану Внифантьеву. Это сочетание его имени и сана протопопа. Запись более пространна, чем просто констатация факта владения, и своим содержанием также косвенно свидетельствует в пользу авторства протопопа Стефана Внифантьева: «И кто станет сию книгу держати у себя и тому поучаться закону Господню дни и нощи по сей книге, а за нас по [ней] Бога молити и родители наши поминать незабвенно спасения ради своего и братию нашу подавати и всех слушающих аще кто святых книги чтет и о том беседует». Автор записи вполне в духе Внифантьева делает акцент на необходимости книжного «почитания» и связи его со спасением души. Чрезвычайно ценно и то, что, исходя из записи, перед нами именно келейная книга Внифантьева, на которой он оставляет памятную инскрипцию для будущих ее владельцев.

В опубликованных документах Московского Печатного двора есть данные о приобретении Внифантьевым нововышедших изданий МПД. Так, в 1650 г. он купил Евангелие толковое повседневно

на Печатном дворе¹³. Судьба этого экземпляра в настоящее время неизвестна. Из сохранившихся экземпляров с доказанными автографами Внифантьева до сих пор можно было говорить лишь о двух книгах. Это, во-первых, октябрьская Минья служебная печатника Ивана Андроникова Невежина (М., 23.09.1609; НБ МГУ. № 88. Инв. 2396-2-85). Приведем для сравнения запись на этом экземпляре, скорописью XVII в. (начало утрачено): «...ноября в 17 день книгу глаголемую месяца октября благовещенскои протопоп Стефан что у государя на сенях в Касимов уез[д] в благовещенскую вотчину в село в Занин (?) починок в церковь Живоначальные Троицы и хто будет у тои церкви священник и им бы по сеи книги великого Бога молить церковное пение по уставу петь единогласно, а за государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Руси, и за его благоверную царицу и великую княгиню Марью Ильиничну о душевном спасении и многолетном здравии Бога молить и их государьских родителе[и] поминать, да и мене грешнаго в молитвах незабвенна учинить и родители наши поминать. А из церкви сих книг бы не отдавать во веки некончаемая. Аминь». В данной записи присутствует только имя вкладчика и его духовный сан, вклад по-видимому совершен в вотчину, принадлежавшую Благовещенскому собору, где служил протопопом Стефан Внифантьев. Как и в найденной нами записи, здесь инскрипция довольно пространна, показывает непосредственную близость вкладчика к царской семье (хотя «этикетное» упоминание государя в записях встречается иногда и без очевидной связи вкладчика с ними). Экземпляр НБ МГУ поступил из экспедиционных находок из старообрядческой среды и тоже был найден сравнительно недавно, в 1984 г.¹⁴

Во-вторых, это рукописный «Катехизис» Лаврентия Зизания XVII в. из фондов ОР РГБ (Ф. 209. № 452). Рукопись содержит краткую владельческую запись Стефана Внифантьева по листам, наиболее лаконичную из имеющихся на сегодня вариантов. Однако палеографический анализ и сопоставление с найденной нами «келейной» записью в печатном Евангелии не оставляет сомнений также в принадлежности записи руке Внифантьева («Стефана Внифантьева»). Интересно, что в рукописи сохранилась позднейшая запись некоего книготорговца и «купецкого человека» Сергея Митрофанова, к ко-

---

¹³ Читатели изданий московской типографии в середине XVII в. / Публикация документов и исследование С.П. Луппова. Л., 1983. С. 111.

¹⁴ Поздеева И. В., Ерофеева В. И., Шитова Г. М. Кириллические издания, XVI в. — 1641 г.: Находки археографических экспедиций 1971–1993 гг., поступившие в Научную библиотеку Московского университета. М., 2000. С. 94.

торому, по-видимому, рукопись попала в процессе своих передвижений после «выбытия» из книжницы Внифантьева.

Рассматриваемый нами новонайденный печатный экземпляр Евангелия с автографом протопопа Стефана Внифантьева содержит другие записи, отчасти раскрывающие судьбу книги после того, как она сменила владельца. Что самое интересное, эта несколько более поздняя запись связана с селом Лопатищи, принадлежавшем сыну боярина Василия Петровича Шереметева Петру. В.П. Шереметев упомянут в Житии протопопа Аввакума: «И за сие меня боярин Василей Петрович Шереметев, едучи в Казань на воеводство в судне, браня много и велел благословить сына своего, бритобратца. Аз же не благословил, видя любодейный образ. И он меня велел в Волгу кинуть»¹⁵. В продолжении записи в Евангелии 1652 г. приводится следующая информация: «Сия книга Евангелие Желтоводского монастыря черного диякона Иринарха а отдал сию книгу в вотчину Петра Василевича Шереметева в село Высокое в церковь святых апостолов Петра и Павла при священнике Василии да при дьячке Феодоре Леонтъеве а за сию книгу священнику за меня Бога молити и родители поминать вечным поминовением незабвенно а сия моя книга дана в церковь безвыносно доколе сия святая церковь стоит а сию книгу купил я у старца Леонтия что был в белцах Лаврентей, а прозвище Белай, а жил в селе Лопатищах, а отдал я сию книгу в церкву лета 7163 генваря в 13 день [1655 г.], а как Бог по мою душу сошлет и их имена поминать вечным поминком беспереводно». Таким образом, к началу 1655 г. Евангелие, которым в предыдущие два-три года по-видимому владел Стефан Внифантьев, уже было вложено новым владельцем на помин души в шереметьевское село Высокое, а вкладываемая книга при этом «мигрировала» на предыдущем этапе из нижегородского села Лопатищи, в котором служил Аввакум Петров. Очевидно, что первым среди всех поминаемых в записях владельцев был именно Внифантьев, который мог приобрести экземпляр на Печатном дворе или же получить безденежно после выхода тиража как особо близкий ко двору человек, что было нормальной практикой в то время. Это во всех смыслах уникальное сочетание фактов (от Макарьева монастыря до бояр Шереметевых) и обстоятельств, сошедшихся в судьбе старопечатного экземпляра.

Запись на втором найденном нами неизвестном экземпляре (на листах 1–26; Минея служебная на февраль) из собрания Стефана

---

¹⁵ Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. М., 1960. С. 62.

Внифантьева содержит, в отличие от Евангелия учительного, дату, которая читается как 22 декабря 1652 г. («в лето 7161 году декабря в 22 день»). Как и в Минее из Научной библиотеки МГУ, в рассматриваемой записи вкладчик именует себя «благовещенской протопоп Стефан Внифантьев что у государя на сенях». Эта формулировка не оставляет сомнений для атрибуции. В отличие, опять же, от инскрипции на Евангелии учительном в данном случае запись посвящена вкладу на помин родителей Стефана Внифантьева: «по своих родителей и по странных братии». Последняя фраза, по-видимому, подразумевает странствующих Христа ради, или, говоря современным языком, — паломников. Вклад совершен в Старицкий уезд в «монастырь к церкви Вознесения Господня Опекаловой пустыни». Упомянутая обитель находилась в Ржевском районе Тверской области. Опекалов Вознесенский монастырь находился под покровительством князей Старицких и во второй половине XVI в. переживал период расцвета, чего не скажешь о последующих десятилетиях. В начале 1650-х гг. игумен Иосифо-Волоцкого монастыря Зосима обратил внимание на пребывавшую в упадке пустынь и способствовал ее восстановлению, впоследствии она была приписана к Волоцкому монастырю. Нельзя исключать, что именно с этим «возобновлением» Опекалова монастыря и был связан вклад Стефана Внифантьева 1652 г. Данная находка ценна и тем, что материального наследия, в том числе книжного, от Опекаловой пустыни практически не сохранилось. Едва ли не единственным артефактом считается рукописный Канонник 1552 г. из собрания Троице-Сергиевой Лавры (ОР РГБ. Ф. 304.1. № 257) с писцовой записью Иосифа Опекалова, упоминающей Опекалов монастырь. Минея, вложенная Стефаном Внифантьевым, таким образом, становится еще одним свидетельством истории обители.

Запись Стефана Внифантьева на московском издании Служебника датирована 17 мая 1654 г. («в лето 7162-го»). Себя владелец именует «духовник государев священной протопоп». Данная инскрипция краткая и представляет собой, по-видимому, владельческую удостоверяющую запись. Наконец, в записи на печатном Требнике объединены основные звания и титулы Стефана Внифантьева: здесь он именует себя «благовещенской протопоп что у государя на Сенех ево государев духовник». Книга была вложена в церковь «великаго святителя и чудотворца Филиппа митрополита московскаго и всея Расии». Запись сделана 1 октября 1652 г. на праздник Покрова Богородицы, что отмечено в тексте. Эта дата наиболее близка дате в записи на февральской Минее (декабрь 1652 г.). Как и в этой Минее,

в записи на Требнике вкладчик велит поминать не только своих родителей и молиться о себе самом, но и, на первом месте, молиться о «его царском многолетнем здорovie и родители поминать царские». В 1715 г. поп церкви Козьмы и Дамиана «что в кремле у духовникова двора» Симеон Васильев променял этот дораскольный Требник на новое издание, что было обычной практикой в процессе ротации церковного книжного фонда.

Стефан Внифантьев, как очевидно, делал книжные вклады и владел многими другими книгами. Об этом свидетельствуют такие источники, как синодики и вкладные книги монастырей — Соловецкого, того же Макарьева Желтоводского, Ростовского Борисоглебского и ряда иных. Однако до наших дней, как показано выше, сохранились единичные экземпляры с доказанными автографами Внифантьева на книгах.

Значение представленных в статье книжных находок трудно переоценить, даже несмотря на то, что речь не идет о целой библиотеке или собрании. Книги, связанные с важнейшими личностями русской истории, особенно допетровского периода, всегда являлись особо ценными памятниками, и обнаружение каждого, не известного ранее, приносит новое в раскрытие их личности, жизни и деятельности. Ревнителю древнего благочестия — ядро книжной учености и инициаторы церковных реформ, остро назревших и даже требуемых на разных уровнях церковной жизни в то время. Материальное наследие, личные вещи, в первую очередь книги, связанные с их деятельностью, представляют собой ценные исторические артефакты, освещают черты их личного благочестия и коммеморативные практики.

References

Bubnov N.Yu. *Aleksandr (ep. Vyatskiy i Velikopermskiy)* [Alexander (Bishop of Vyatka and Velikopermskiy)] // *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 1. Moscow: Tserkovno-nauchny tsentr “Pravoslavnyaya entsiklopediya, 2000. P. 488–490.

Chitateli izdaniy moskovskoy tipografii v seredine XVII v. [Readers of Moscow Printing House Editions in the Mid-17th Century] / Publication of Documents and Research by S.P. Luppov. Leningrad: Nauka, 1983. 167 p.

Florya B.N. *Dionisiy (Zobninovskiy)* // *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 15. Moscow: Tserkovno-nauchny tsentr “Pravoslavnyaya entsiklopediya”, 2007. P. 257–267.

Lavrov A.S., Morokhin A.V. “*Revniteli blagochestiya*”: *ocherki tserkovnoy i literaturnoy deyatel'nosti* [“Zealots of Piety”: Essays on Church and Literary Activities]. Saint Petersburg: Nauka, 2021. 333 p.

Pozdeeva I.V. *Kollektsiya staropechatnykh knig XVI–XVII vv. iz sobraniya M.I. Chuvanova: katalog* [Collection of Old Printed Books of the 16th and 17th Centuries from the Collection of M.I. Chuvanov: Catalogue]. Moscow: GBL, 1981. 162 p.

Pozdeeva I.V., Erofeeva V.I., Shitova G.M. *Kirillicheskie izdaniya, XVI v. — 1641 g. Nakhodki arkhograficheskikh ekspeditsiy 1971–1993 gg., postupivshie v Nauchnyu biblioteku Moskovskogo universiteta* [Cyrillic Editions, 16th Century — 1641. Finds of Archaeographic Expeditions 1971–1993, Received by the Scientific Library of Moscow University]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 2000. 404 p.

Sreznevskiy V.I. *Svedeniya o rukopisyakh, pechatnykh izdaniyakh i drugikh predmetakh, postupivshikh v Rukopisnoye otdelenie Biblioteki Imperatorskoy Akademii nauk v 1900 i 1901 gg.* [Information about Manuscripts, Printed Editions, and Other Items Received by the Manuscript Department of the Library of the Imperial Academy of Sciences in 1900 and 1901]. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1901. Appendix 1. P. 89–197.

Staropechatnye i rukopisnye kirillicheskie knigi XVII — nachala XX vv. iz sobraniya Rzhhevskoy Pokrovskoy staroobryadcheskoy obshchiny: katalog [Old Printed and Manuscript Cyrillic Books from the 17th through the Early 20th Centuriy from the Collection of the Rzhev Pokrovskaya Old Believer Community: Catalogue] / Ed. by Iu.S. Beliankina. Issue 1. *Staropechatnye knigi XVII veka. Rukopisi staroobryadcheskoy traditsii* [Old Printed Books of the 17th Century. Manuscripts of the Old Believer Tradition]. Rzhev: [s. n.], 2022. 128 p.

Поступила в редакцию
4 июля 2023 г.